

УДК 821. 181. 1

DOI 10.17223/19986645/28/8

Э.М. Жиликова

РОМАН В. СКОТТА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЙДЖЕЛА» И ПРОЗА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

На основании сравнительно-типологического анализа романа В. Скотта «Приключения Найджела» и двух романов М.Ю. Лермонтова («Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени») в статье исследуется вопрос о восприятии романа В. Скотта Лермонтовым и значении его в становлении и развитии реалистического творчества русского писателя.

Ключевые слова: В. Скотт, «Приключения Найджела», М.Ю. Лермонтов, «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени», историзм, современность, объективность, повествование, психологизм.

Поверьте мне, даже в самых непопулярных произведениях нашей эпохи грядущий век может обнаружить сокровища.

В. Скотт. «Приключения Найджела»

Вопрос о значении В. Скотта в творческом развитии М.Ю. Лермонтова получил освещение в целом ряде исследований [2–6]. Д.П. Якубович в работе «Лермонтов и Вальтер Скотт» (1935) убедительно показал, что поэзия Лермонтова буквально «прошита» мотивами и образами баллад и поэм В. Скотта. По определению исследователя, Лермонтов «учился у В. Скотта поэзному искусству, манере введения героя, искусству диалогических реплик – словом, самой композиции поэмы, в которой повторяются и основные фабульные линии в сложной контаминации их с другими материалами и источниками» [2. С. 250]. На обращение Лермонтова, автора романтической повести «Вадим», к традициям романов В. Скотта указали Б. Томашевский [7], М. Альтшуллер [4] и другие авторы. Начиная с В.Г. Белинского исследователи прозы Лермонтова отмечали «следы длинного общения» писателя с В. Скоттом, проявившиеся в особенностях композиции романа «Герой нашего времени»: «Само обрамление новелл (предисловие издателя, появившееся в 1841 г., представляет собою своеобразную трансформацию Introductions В. Скотта), образ фиктивного издателя повестей, указание на то, что собственные имена переименованы; в руках издателя «осталась еще толстая тетрадь», которую он обещает «когда-нибудь издать» [2. С. 268]. И вместе с тем остается не до конца проясненным аспект, касающийся роли романов шотландского писателя в формировании и развитии реалистической прозы Лермонтова. Чрезвычайно интересное наблюдение о влиянии «Сент-Ронанских вод» на роман «Герой нашего времени» принадлежит М.Г. Альтшуллеру¹, однако в целом

¹ М.Г. Альтшуллер пишет: «Единственный скоттовский мотив в «Герое нашего времени» можно увидеть только при сопоставлении Лермонтова с неисторическим романом В. Скотта «Сен-Ронанские воды». И у Лермонтова, и у Скотта то же «водяное общество», та же дуэль со смертельным исходом, соперничество в любви, некоторое сходство между протагонистами» [4. С. 263].

позиция исследователя характеризуется скептическим заключением о «достаточно слабом влиянии Скотта на прозу Лермонтова» [4. С. 264].

Реальным основанием для постановки вопроса о глубоких связях реалистической лермонтовской прозы с романами В. Скотта служит факт прямого упоминания двух его романов в черновом и окончательном тексте «Героя нашего времени». В ночь перед дуэлью Печорин записывает в дневнике:

«С час я ходил по комнате, потом сел и открыл роман Валтера Скотта, лежавший у меня на столе: то были «Шотландские Пуритане». Я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом. Неужели Шотландскому барду на том свете не платят за каждую отдельную минуту, которую дарит его книга?...» [8. Т. 4. С. 290–291].

В черновом варианте вместо «Шотландских пуритан» был назван другой роман – «Похождения Нигеля» [9].

Уже сам выбор этих двух романов из огромного наследия В. Скотта показателен, если учесть, что Лермонтов хорошо знал творчество шотландца, свободно владея английским языком¹. Важным представляется авторская замена названия одного романа на другой. Факт замены получил различные толкования, связанные в первую очередь с пониманием образа Печорина.

Д.П. Якубович объяснил перемену названий романов опасениями Лермонтова, вызванными явным сходством в использовании писателями психологических деталей при характеристике героев, Найджела и Печорина: «Естественно, Лермонтов должен был вычеркнуть ссылку на этот роман, чтобы не напомнить об основной характеристике глаз собственного героя: «Вопервых, они не смеялись, когда он смеялся. Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?» [2. С. 270].

Б.М. Эйхенбаум, объясняя замену романов, связал ее с авторским стремлением скрыть от цензуры указание на гражданские настроения Печорина, проявившиеся в его сочувствии герою «Шотландских пуритан» – Генри Мортону, оказавшемуся участником гражданской войны и проявившему твердость характера и гуманность натуры. Б.М. Эйхенбаум цитирует слова Мортон о его общественной позиции («Я буду сопротивляться любой власти на свете, которая тиранически попирает мои записанные в хартии права свободного человека») и делает заключение о том, что «Печорин читает политический роман о народном восстании против деспотической власти и «забывается», воображая себя этим Мортоном» [3. С. 235]. Наблюдения и выводы полностью соответствуют концепции исследователя о Печорине как «глубокой страстной натуре» [3. С. 256].

Характерно, что ни Д.П. Якубович, ни Б.М. Эйхенбаум не придали должного значения роману «Приключения Найджела», первоначально заявленному писателем. Более того, сопоставление Б.М. Эйхенбаумом этих двух валь-

¹ По воспоминаниям людей, знавших Лермонтова в юности, по Московскому университетскому пансиону или юнкерской школе, – А.П. Шан-Гирея, Д.А. Милютина, А.М. Меринского, будущий писатель читал в оригинале Т. Мура, поэтические произведения Байрона, В. Скотта, «зачитывался «переводами исторических романов Вальтера Скотта» [10. С. 81]. Как пишет А.М. Меринский, всякий раз, когда он заходил в дом к Лермонтову, «почти всегда находил его с книгою в руках, и книга эта была – сочинения Байрона и иногда Вальтер Скотт, на английском языке, – Лермонтов знал этот язык» [10. С. 174].

тер-скоттовских романов заканчивается не в пользу второго. «Приключения Найджела», – пишет исследователь, – чисто авантурный роман, рассказывающий об удачах и неудачах шотландца в Лондоне, повествующий об ожесточенной борьбе пуритан – вигов против короля и его прислужников» [3. С. 256] Однако все не так однозначно. Забегая вперед, следует сказать, что следы творческого восприятия Лермонтовым романа «Приключения Найджела», сказавшегося в постановке проблемы героя, в создании историко-бытового колорита, в самом типе повествования, видны не только в «Княгине Лиговской» и «Герое нашего времени», но и в последней повести писателя – в «Штоссе».

*** 1. «КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ» (1836).

Роман «Княгиня Лиговская» стоит у истоков реалистической прозы Лермонтова, и изучение его в одном контексте с романом «Приключения Найджела» помогает понять процесс движения писателя к «Герою нашего времени».

Печать чтения Лермонтовым «Приключений Найджела» явно просматривается в романе «Княгиня Лиговская». Это тем более значимо, что именно в «Княгине Лиговской» впервые появляется герой по фамилии Печорин, внешний и духовный облик которого (на страницах «Героя нашего времени») отдельными чертами напомним вальтер-скоттовского Найджела Гленварлоха.

Говоря о содержании и поэтике «Княгини Лиговской» и причинах незавершенности романа, Б.М. Эйхенбаум указал на ряд важных его особенностей. Во-первых, «Княгиня Лиговская» была задумана как большой (по терминологии Тургенева – скорее всего «сандовский») роман, в котором сложные психологические и нравственные вопросы должны были встретиться с самыми острыми вопросами социальной жизни» [3. С. 236]. Во-вторых, роман «Княгиня Лиговская» писался Лермонтовым в содружестве с С.А. Раевским, что привносило в роман остроту постановки социальных вопросов и усиление сатирического пафоса [11]. В-третьих, в эстетике и поэтике романа просматривается ориентация Лермонтова на Гоголя. К этому следует добавить указание исследователей на близость Лермонтова-романиста в эстетических и художественных поисках к «натуральной» школе [12].

Содержание «Приключений Найджела» (“The fortunes of Nigel”, 1822), двух его Предисловий («Introductory epistle» к изданию 1822 г. и «Introduction to the Fortunes of Nigel» 1831 г.), а также поэтика романа оказались созвучными исканиям Лермонтова.

По всем параметрам «Приключения Найджела» представляют собой тип исторического романа В. Скотта. События происходят в Англии, в Лондоне, в XVII в., в эпоху правления Иакова I. Герой романа – молодой шотландец, лорд Гленварлох, «совращенный с пути истинного аристократическим высокомерием и эгоистической роскошью, более свойственными нашим дням» [1. Т. 13. С. 8]. Фраза об «аристократическом высокомерии и эгоистической роскоши, более свойственных нашим дням», написанная во Введении к роману (1831), – прямое авторское указание на современный дух романа¹. В этом же

¹ На эту важную особенность поэтики романов В. Скотта – сопрягать историческое с современным – указал Ю.В. Манн: «Создавая временную дистанцию, В. Скотт вместе с тем фиксирует момен-

Введении В. Скотт рассуждает о художественном своеобразии своего романа, основанном на принципах романтического историзма. Ставя героя в зависимость от времени и характеризуя эпоху Иакова I, писатель утверждает перво-степенное значение контраста как основополагающего в романтической эстетике:

Леди Мэри Уортли Монтэгю столь же справедливо, сколь тонко заметила, что наиболее романтическая часть страны – это та, где горы сочетаются с долинами и равнинами. Точно так же можно было бы сказать, что наиболее ярким периодом в истории является тот, когда древние грубые и дикие нравы варварской эпохи озаряются первыми лучами просвещения и вновь возрождающихся наук, а также учением обновленной реформацией религии. Резкий контраст, вызванный новым, постепенно подчиняющим их себе, порождает свет и тени, столь необходимые для создания яркого романа [1. Т. 13. С. 9]¹.

Пристальный интерес к переходным, кризисным моментам в развитии истории общества В. Скотт объясняет и оправдывает возможностями писателя увидеть и запечатлеть движение внутренней, душевной жизни человека:

И в то время как таковой период дает автору право вводить в свое сочинение удивительные и неправдоподобные эпизоды, происходящие от необузданности и жестокости, свойственной старым привычкам к насилию, все еще оказывающим влияние на нравы людей, столь недавно вышедших из состояния варварства, с другой стороны, характер и чувства многих героев можно обрисовать с величайшим правдоподобием, с самыми разнообразными оттенками, самыми тонкими штрихами, что свойственно новой, более утонченной эпохе, лишь недавно озарившей мир [1. Т. 13. С. 9–10]².

Таким образом, в рассуждении В. Скотта сошлись романтическое требование необыкновенного («удивительные и неправдоподобные эпизоды») и принципы многостороннего изображения характера, детерминированного временем. Шотландский лорд Гленварлох, приехав в Лондон за получением королевского долга во имя спасения родового имения, оказался во власти двух стихий, свойственных лондонской жизни при Иакове I. Одна стихия – свет, королевский двор с его соблазнами, картами, распутством, честолубием. Другая стихия – лондонское дно, так называемый Эльзас, или Уайтфраерс, – с его бедностью, грабежами, пьянством, картами, убийствами. В рома-

ты общности <...> Достигалось все это с помощью прослаивающих весь текст рассуждений, в которых описываемое возводилось в ранг общечеловеческого и вневременного» [6. С. 200].

¹ Lady Mary Wortley Montague has said, with equal truth and taste, that the most romantic region of every country is that where the mountains unite themselves with the plains or lowlands. For similar reasons, it may be in like manner said, that the most picturesque period of history is that when the ancient rough and wild manners of a barbarous age are just becoming innovated upon, and contrasted, by the illumination of increased or revived learning, and the instructions of renewed or reformed religion. The strong contrast produced by the opposition of ancient manners to those which are gradually subduing them, affords the lights and shadows necessary to give effect to a fictitious narrative <...> [13. С. VI–VII].

² <...> And while such a period entitles the author to introduce incidents of a marvelous and improbable character, as arising out of the turbulent independence and ferocity, belonging to old habits of violence, still influencing the manners of a people who had been so lately in a barbarous state; yet, on the other hand, the characters and sentiments of many of the actors may, with the utmost probability, be described with great variety of shading and delineation, which belongs to the newer and more improved period, of which the world has but lately received the light [13. С. VII].

не В. Скотта Лондон предстал в социальном разрезе верха и низа, равно опасных и угрожающих человеческому достоинству. Характеристика двух контрастных пластов города, его обитателей, сама история пребывания Найджела в светском обществе и вынужденного знакомства с низким бытом Эльзаса не могли не заинтересовать Лермонтова и его соавтора Раевского, выведших на страницах «Княгини Лиговской» героя из светской среды Печорина и обитателя петербургских трущоб чиновника Красинского.

Изображение жизни света и Эльзаса В. Скоттом характеризуется тщательной, многоплановой детализацией и сатирическим освещением. Приемы создания картин Лондона во многом превосходят гоголевскую манеру письма и рисунок «натуральной» школы, что позволяет говорить о возможности формирования лермонтовского стиля при непосредственном влиянии романов В. Скотта.

Так, при описании светской жизни в романах В. Скотта и Лермонтова доминирует тема роскоши. Найджел, имевший «лишь самое смутное представление о великолепии придворной жизни», был поражен «представшей его взору роскошью»:

Пышные залы, через которые они проходили, и торжественный церемониал, сопровождавший их, пока они шли по длинной анфиладе дворцовых покоев, богатая одежда стражников и камердинеров <...> [1. Т. 13. С. 167].

Портрет герцога Бакингема конкретизирует представление о человеке высшего света; введение в характеристику героя культурологических деталей раздвигает сферу индивидуального и включает героя в большой исторический контекст:

Он вошел, этот злосчастный баловень королевской милости, в роскошном живописном одеянии, которое вечно будет жить на полотне Ван-Дейка, характеризуя ту гордую эпоху, когда аристократия, уже клонившаяся к упадку, при помощи показной роскоши и расточительности всё ещё пыталась сохранить свое безграничное господство над низшими сословиями. Красивые, властные черты лица, статная фигура, изящные движения и манеры герцога Бакингема как нельзя более гармонировали с его живописным нарядом [1. Т. 13. С. 184].

В «Княгине Лиговской» описание светского общества, собравшегося в «роскошно убранной комнате, увешанной картинами в огромных золотых рамах», включает в себя упоминание о «темной и старинной живописи», вводящее историко-культурный аспект:

Действующие лица этих картин – одни полунагие, другие живописно завернутые в греческие мантии или одетые в испанские костюмы, в широкополых шляпах с перьями, с прорезными рукавами, пышными манжетами, – брошенные на этот холст рукою художника в самые блестящие минуты их мифологической или феодальной жизни, казалось, строго смотрели на действующих лиц этой комнаты, озаренных сотнею свеч, не помышляющих о будущем, еще менее о прошлом, съехавшихся на пышный обед не столько для того, чтобы насладиться дарами роскоши, но одни, чтобы удовлетворить

тщеславию ума, тщеславию богатства, из приличий, или для каких-либо других сокровенных целей [8. Т. 4. С. 144].

Описывая светское общество, В. Скотт использует прием перечисления в виде цепи афористических по форме и сатирических по содержанию оценок. Подобный способ «нанизывания» сатирических характеристик использует и Лермонтов.

«Приключения Найдже́ла»

<...> ваша светлость в частной жизни вращается в самом лучшем обществе. Так, например, прекрасная графиня Блэкстер, — но мне кажется, она не очень-то часто показывается в свете после истории с его светлостью герцогом Бакингом. И еще добрый старомодный шотландский дворянин лорд Хантинглен, несомненно весьма достойный человек, — жаль только, что он слишком часто подносит к губам свой кубок, иной раз это вредит репутации. А веселый молодой лорд Дэлгарно, скрывающий под длинными выщипанными локонами влюбленного юноши житейскую мудрость убеленного сединами старца [1. Т. 13. С. 263–264]

«Княгиня Лиговская»

В одежде этих людей, так чинно сидевших вокруг длинного стола, уставленного серебром и фарфором, так же как и в их понятиях, были перемешаны все века. В одеждах их встречались глубочайшая древность с самой последней выдумкой парижской модистки, греческие прически, увитые гирляндами из поддельных цветов, готические серьги, еврейские тюрбаны, далее волосы, вздернутые вверх *à la russe, à la moyen âge, à la Titus*, гладкие подбородки <...> [8. Т. 4. С. 144].

Место обитания чиновника Красинского в Петербурге производит на Печорина столь же угнетающее впечатление, как картины лондонского Эльзаса, окрашенные серо-желтым колоритом из-за тумана, поднимающегося от Темзы, угнетают Найдже́ла.

Его кирпичные дома вплотную теснились друг к другу. <...> Дома эти были построены кое-как и являли взору признаки разрушения, хотя и были еще совершенно новыми. Детский плач, брань матерей, жалкое зрелище рваного белья, развешенного в окнах для просушки, — все это свидетельствовало о нужде и лишениях несчастных обитателей Эльзаса; жалобные звуки заглушались буйными криками, руганью, непристойными песнями и громким хохотом, доносившимся из пивных и таверн, число которых, как указывали вывески, равнялось числу всех остальных домов <...> [1. Т. 13. С. 291]¹.

49 номер, и вход со двора! Этих ужасных слов не может понять человек, который не провел по крайней мере половины жизни в отыскании разных чиновников, 49 номер есть число мрачное и таинственное, подобное числу 666 в Апокалипсисе. Вы пробираетесь через узкий и угловатый двор, по глубокому снегу, или по жидкой грязи; высокие пирамиды дров грозят ежеминутно подавить вас своим падением, тяжелый запах, едкий, отвратительный, отравляет ваше дыхание; собаки ворчат при вашем появлении, бледные лица, хранящие на себе ужасные следы нищеты или распутства, выглядывают сквозь узкие окна нижнего этажа [8. Т. 4. С. 153–154].

Нельзя не заметить специфически русских деталей при описании петербургских «углов» («высокие пирамиды дров», «отвратительный запах»), как

¹ «The brick buildings by which it was occupied, crowded closely on each other <...> the houses were generally insufficient, and exhibited the lamentable signs of having become ruinous while they were yet new. The wailing of children, the scolding of their mothers, the miserable exhibition of ragged linens hung from the windows to dry, spoke the wants and distresses of the wretched inhabitants; while the sounds of complaint were mocked and overwhelmed in the riotous shouts, oaths, profane songs, and boisterous laughter, that issued from the alehouses and taverns, which, as the signs indicated, were equal in number to all the other houses <...> [13. С. 226–227].

нельзя не почувствовать общность мрачного колорита картин, нарисованных В. Скоттом и М. Лермонтовым.

При сравнении двух романов обращает на себя внимание близость повествовательной манеры: свободное и прямое обращение к читателю, тон рассуждений, предметом которых является широкий спектр тем из области быта, истории, культуры. В.В. Виноградов, анализируя стиль «Княгини Лиговской» в сравнении с романтической повестью «Вадим», отметил в качестве особенностей, черты, которые соотносятся со стилиевой манерой В. Скотта: «стиль устно-бытового рассказа», «рассказчик непринужденно обращается к своей аудитории» [14. С. 609]. Связывая Лермонтова с гоголевской традицией («гоголевский слог в языке «Княгини Лиговской»», исследователь между тем отмечает, что в стиле романа «гоголевский слог <...> не пестрит очень разными синтаксическими переходами и изломами», «нет той яркой игры лексических и грамматических, главным образом синтаксических, красок, как у Гоголя», «нет комического нагромождения эпитетов и определительных конструкций» [14. С. 610]. Как раз эти особенности характерны для стиля В. Скотта. Сближающей чертой двух писателей можно назвать юмор, пронизывающий текст и переходящий у Лермонтова в иронию¹.

Не выражая симпатии ни «праздному, скандальному и сомнительному» [1. Т. 13. С. 269] свету, ни «логовищу падших, притону нечестивого и безудержного порока и разврата» [1. Т. 13. С. 278] – Эльзасу, В. Скотт противопоставляет им ценности, основанные на чувстве любви к родине и уважении человеческого достоинства. Область идеального связана с Шотландией, которая выступает в сознании героев как гарант справедливости. Устами старого лорда Хантингена, живущего при дворе Иакова I, но тоскующего по родине, нарисована утопическая картина счастья – безмятежной сельской жизни в Шотландии: «<...> Я был бы счастлив, если бы мои старые дубравы в Дэлгарно вновь огласились криками охотников, звуками рога и лаем гончих, а каменные своды замка эхом откликались бы на веселый смех моих вассалов и арендаторов, осушающих одну чарку за другой. Я хотел бы перед смертью еще раз увидеть широкий Тэй; для меня даже Темза не может с ним сравниться» [1. Т. 13. С. 190]. Старый лорд дает совет Найджелу, который представляет собой программу достойного поведения человека: «Мой юный друг, когда вы вступите во владение своим наследством <...> я думаю, что вы не увеличите число праздных придворных, а будете жить в своем родовом поместье, заботиться о старых арендаторах, помогать бедным родичам, защи-

¹ Нельзя не привести отрывка из романа В. Скотта о вывеске и обстановке в доме горожанина Бенджамина Садлчоба, предвосхищающего по времени гоголевский стиль: «Над его цирюльней на Флит-стрит выступала длинная загадочная вывеска, размазанная цветными полосами, которые должны были изображать ленты, украшавшие эту эмблему в прошлые времена. У окна красовались зубы, нанизанные рядами на нити словно четки, а также чаши с красным лоскутом на дне, напоминавшим кровь, в знак того, что клиентам здесь вкупе с ценными наставлениями отворяют кровь, ставят банки и прикладывают шпанские мушки. Между тем о более доходных, но менее благородных манипуляциях над головой и бородой упоминалось коротко и деловито. В цирюльне стоял протертый кожаный стул для посетителей и висела гитара, по-тогдашнему кифара, или цитра, которой мог развлекаться клиент, покада Бенджамин трудился над его предшественником, и которая поэтому зачастую в переносном смысле терзала уши клиентов, в то время как бритва терзала их подбородки в буквальном. Словом, все в этом заведении говорило о том, что его двуликий хозяин с одинаковым успехом исполняет обязанности и хирурга и брадобрея» [1. Т. 13. С. 344–345].

шать бедняков от притеснения управляющих и делать то, что делали наши отцы <...>» [1. Т. 13. С. 190]. Эта «программа» поведения не могла не найти отклика у русских писателей, настроенных на улучшение социального климата в обществе за счет гуманизации дворянства в их отношении к народу. Лермонтову и Св. Раевскому был близок демократизм В. Скотта: среди всех героев романа особой симпатией и теплотой авторского отношения отмечены герои из обыкновенной среды. Это дочь часовщика Маргарет и слуга Найджела Ричи Мониплайз, верный «оруженосец», бескомпромиссный судья своего хозяина. Именно Ричи преподает урок Найджелу Олифанту, говоря, что «его светлость сбилась с пути и ведет такой образ жизни, который Ричи не может ни одобрять, ни поощрять своим присутствием» [1. Т. 13. С. 248].

Обращает на себя внимание и своеобразное соотношение типов романских героев Лермонтова и В. Скотта – Печорина и Найджела Олифанта Гленварлоха. Нет причины преувеличивать влияние В. Скотта на Лермонтова. И тем не менее необходимо указать на типологические схождения: оба героя – из среды обыкновенного (русского и шотландского) дворянства; оба не похожи на типичных романтиков – страдающих рефлектеров; оба натуры молодые и деятельные, проходят путь заблуждений – и Найджел выходит из этого порочного круга, Печорин же... роман не был завершен.

Таким образом, особенности романа В. Скотта «Приключения Найджела», а именно, эстетика, основанная на историческом методе, созданная романистом картина Англии, пронизанная атмосферой внутренней неустойчивости и пороков, контрасты лондонского общества, демократические симпатии В. Скотта, живописно-аналитический тип нарратива, постановка проблемы героя как сильной личности, оказавшейся в драматической ситуации, – всё это получает отзвук в романе «Княгиня Лиговская», работа над которым была оборвана. Но роман В. Скотта не был забыт и уроки его не прошли даром.

***2. «ДУМА» (1838).

Вновь к «Приключениям Найджела» Лермонтов обратится в романе «Герой нашего времени». Между ним и «Княгиней Лиговской» присутствует лирико-философское по содержанию звено – элегия «Дума», которая мотивами и образами оказалась созвучной роману В. Скотта.

Роман «Приключения Найджела» в 1831 г., спустя 9 лет после первой публикации, был переиздан с дополнительным «Введением» («Introduction to the Fortunes of Nigel»). Это Введение обнаруживает новый уровень авторского осмысления содержания романа и исторической и философской позиции. В Скотт увеличивает и углубляет масштаб исторического обобщения, ставит проблему смены поколений и придает ей значимость исторического закона. Характеризуя нравы при дворе Иакова I и ссылаясь на авторитетные источники, В. Скотт проецирует описание «грубой чувственности», «неприкрытого жестокого эгоизма» молодых сыновей в отношении к своим отцам на другие эпохи:

<...> Престарелые джентельмены, оставившие своим сыновьям в наследство все имущество, как движимое, так и недвижимое, в хорошем состоянии (что позволило им жить на широкую ногу), еще при жизни были свидетелями того, как наследники их проматывали большую часть состояния в кутежах,

что давало мало надежды на сохранение остальной его части <...>. Кавалеры и джентельмены разного рода, промотавшие свое состояние то ли из-за гордости, то ли из-за расточительности, переезжали в города и, ведя распущенную жизнь, губили также свою добродетель <...>. Главным героем был весельчак и остряк, молодой наследник, совершенно изменивший порядки в унаследованном от отца имении и, говоря словами старой поговорки, подобный фонтану, который в грозной расточительности расплескивает богатство, заботливо собранное его родителями в скрытых от глаз хранилищах» [1. Т. 13. С. 11–12]¹.

Описание завершается выводом писателя о духовном самоистреблении промотавшегося поколения:

Страх перед пороховыми бочками покинул наши души, и мы ведем себя так, как будто каждый человек по наущению дьявола задумал взорвать себя, предаваясь дикому разгулу, излишествам, праздности и неумеренным возлияниям [1. Т. 13. С. 13].

Содержание Введения с его масштабом исторического обобщения, энергией гневного обличения, афористичностью публицистических формулировок, актуализацией мотива «поколений», в частности «промотавшегося поколения», было созвучно настроению Лермонтова, выразившемуся в стихах «Думы»:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем, без шума и следа.
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом [8. Т. 1. С. 401]².

Важно и другое. Авторская позиция в «Приключениях Найджела» не ограничивалась критикой. Сущность оптимистической концепции истории В. Скотта сказалась в том, что «духу всеобщей расточительности», который, «казалось, царил во всем королевстве», писатель противопоставляет «нарождавшуюся», «совсем другую породу людей» - «степенных, с решительным характером, которые впоследствии проявили себя во время гражданских войн и оказывали столь мощное влияние на характер всей английской нации» [1. Т. 13. С. 12]. К этой породе людей относится и герой романа – Найджел Оли-

¹ “<...> Ancient gentlemen, who had left their inheritance whole and well furnished with goods and chattels (having thereupon kept good houses) unto their sons, lived to see part consumed in riot and excess, and the rest possibility to be utterly lost. <...> And of all sorts, such knights and gentleman, as either through pride or prodigality had consumed their substance, repairing to the city, and to the intent to consume their virtue also, lived dissolute lives. <...> The principal character for gaiety and wit is a young heir, who has totally altered the establishment of the father to whom he has succeeded, and to use the old simile, who resembles a fountain, which plays off in idleness and extravagance the wealth which its careful parents painfully had assembled in hidden reservoirs” [13. С. VIII–IX].

² А.И. Журавлева, исследуя жанровое своеобразие лермонтовской «Думы» как «сложного синтеза элегии, ямбической оды и философского монолога», отметила, что «философско-политическая элегия» Лермонтова получает новое качество за счет того, что в «Думе» «представлена драма поколений и судьба современника рассмотрена как явление истории, как звено в цепи исторического развития» [15. С. 81].

фант Гленварлох. В финале романа, защитив свою честь, в награду он сохраняет славное имя рода и получает в жены отважную Маргарет, дочку часовщика Дэвида Рэмзи.

Историко-философская концепция Лермонтова, автора «Думы», получит позитивное развитие в «Герое нашего времени». Залогом тому служит тот факт, что лирический герой стихотворения «не только разделяет вину и страдания своего поколения, не только судит его, но и размышляет о причинах трагедии» [15. С. 81].

***3. «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ».

В романе «Приключения Найджела», рассказывая историю героя, оказывавшегося постоянно в ситуации обстоятельств, грозивших ему утратой нравственности, В. Скотт сосредоточил внимание на преодолении героем соблазнов – роскоши, игры, разгула. Для Лермонтова, устремленного к созданию духовного портрета поколения, исполненного неразрешимых противоречий, казалось бы, романная линия В. Скотта была не столь актуальной, даже отодвинутой традициями европейского романа с его французской и немецкой линией исповедей больных сынов века. В первую очередь – А. Констана, Мюссе, Бальзака, Гёте, Байрона, наконец, Пушкина. В ряду этих европейских и русских имен, действительно, В. Скотт занимает особое место.

Традиционно романы В. Скотта относят к жанру исторических романов и исследуют вопрос о его влиянии, как правило, на материале исторической прозы. Однако В. Скотт, наряду с современными ему писателями, озабочен проблемой героя времени, но решает ее по-своему. Концепция современности в романах В. Скотта состояла не в стремлении создать аллюзию с современностью, современным был сам метод осмысления героя в общественно-историческом контексте: на любом материале стран и времён психологическое изображение духовного мира героя становилось способом описания самого времени и одновременно выражением закономерностей общечеловеческой жизни. Принципиальное различие В. Скотта и европейских романистов определялось содержанием концепции исторического развития. Пессимизм, разочарование в ходе исторического движения в постнаполеоновскую эпоху питали рефлексии европейских (например, французских) романистов и диктовали рефлексивно-исповедальную манеру письма, тогда как исторический оптимизм В. Скотта определял тип деятельного героя и сюжет действия, который не исключал драматизма ситуаций и переживаний персонажей.

Внутренняя противоречивость и сложность героя в «Приключениях Найджела» рассматривается на реальном материале и возводится в свойства духовного мира целого поколения, что для Лермонтова было важным.

Другим обстоятельством, привлекавшим Лермонтова к В. Скотту, была позитивная нравственная природа его героя. Как пишет В. Скотт, Найджел «унаследовал от своего покойного отца религию, основанную на незыблемых принципах веры его народа, а в вопросах морали руководствовался правилами безукоризненной честности» [1. Т. 13. С. 72].

Судя по фактам очевидной переклички в описании Найджела и Печорина (о которых речь пойдет ниже), Лермонтова интересовали разработки В. Скот-

та в области психологического анализа. На сходство в портретном рисунке героев указывали Д.П. Якубович и Б.М. Эйхенбаум. Действительно, сравнение текстов говорят об исключительно внимательном чтении Лермонтовым романа В. Скотта.

На следующее утро Найджел Олифант, молодой лорд Гленварлох, *печальный и одинокий*, сидел в своей маленькой комнатке в доме судового поставщика [1. Т. 13. С. 70]¹.

Мисс Нелли видела также, что ее жилец был *печален*, несмотря на его старания казаться *веселым* [1. Т. 13. С. 72]².

«Значит, он действительно несчастен? – сказала Маргарет. – Я так и знала... Я догадывалась. Его голос звучал *печально* даже тогда, когда он рассказывал *веселые* истории; его *грустная* улыбка говорила о страдании <...>» [1. Т. 13. С. 161–162]³.

Об глазах я должен сказать ещё несколько слов. Во-первых, они *не смеялись*, когда он *смеялся*! Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей? Это признак или злого нрава, или глубокой постоянной грусти [8. Т. 4. С. 220].

Найденный В. Скоттом способ «намекнуть» на душевное состояние героя получил в романе Лермонтова развернутую психологическую характеристику.

Другой эпизод, указывающий на внимание Лермонтова к роману В. Скотта, связан с монологами героев. Монолог как форма исповедальной самохарактеристики не частое явление в романах В. Скотта, но писатель прибегает к нему, обосновывая необходимость его использования для более «краткой и живой передачи чувств»:

Я сам возымел желание представить дражайшему читателю состояние духа моего героя, его размышления и намерения в виде прямой речи, а не авторского повествования. <...> Ибо монолог есть самый естественный и, пожалуй, в то же время единственный способ передать зрителю то, что, по нашим предположениям, совершается в душе театрального персонажа. В повествовании, – пишет В. Скотт, – писатель имеет возможность сказать, что его персонажи думают так-то и так-то, подразумевают то-то и то-то и приходят к такому-то и такому-то выводу: зато монолог – более краткий и живой вид передачи тех же сведений <...> [1. Т. 13. С. 369–370].

Знаменательно, что близкие по психологической напряженности и стилистике монологи Найджела и Печорина возникают в романах в самых драматических ситуациях героев, за которыми следуют минуты ясного и бескомпромиссного самоанализа и самоосуждения.

Всю мою жизнь я прибегал к услугам друзей, вместо того, чтобы более достойным образом обходиться собственными силами. Я чувствую себя жалким, когда долгая привычка за-

Пробегаю в памяти все прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А верно она существовала, и верно было мне назначение высокое,

¹ The next morning found Nigel Olifaunt, the young Lord of Glenvarloch, seated, sad and solitary, in his apartment, in the mansion of John Christie, the shin-chandler <...> [13. С. 29].

² Dame Nelly saw that her guest was melancholy also, notwithstanding his efforts to seem contented and cheerful [13. С. 31].

³ “He is unfortunate, then?” said Margaret; “I knew it – I divined it – there was sorrow in his voice when he said even what was gay – there was a touch of misfortune in his melancholy smile <...>” [13. С. 110].

ставляет меня испытывать неудобства из-за отсутствия слуги, я стыжусь этого. Но куда больше я стыжусь того, что та же привычка перекладывать свою ношу на чужие плечи сделала из меня с той поры, как я приехал в Лондон, жертву обстоятельств, на которые я даже и не пытался влиять, лицо бездействующее и лишь испытывающее всевозможные чужие воздействия, опекаемое одним другом, обманутое другим, но, извлекающее ли выгоду из знакомства с одним, претерпевающее ли зло от другого, всегда пассивное и беспомощное, как корабль без руля и ветрил, отданный на волю волн и ветра» [1. Т. 13. С. 370–371]¹.

потому что я чувствую в душе моей силы необъятные; но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений, лучший цвет жизни. И с той поры сколько раз я играл роль топора в руках судьбы! Как орудье казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления...» [8. Т. 4. С. 290].

Два этих монолога несовместимы по глубине драматизма, но в основе их лежит саморефлексия героев, смешанное чувство горечи потерь и надежды на восстановление духовной силы – яркой и сильной у Найджела, но уже покрытой пеплом скепсиса и боли у Печорина.

Выживет он или умрет, утонет или выплывет, но с этой минуты безопасность, успех и честь Найджела Олифанта будет зависеть от его собственных усилий; и если он погибнет, то по крайней мере с сознанием, что он действовал по своей воле. Я запишу себе в записную книжку ее доподлинные слова: «Умный человек – сам себе лучший слуга и помощник» [1. Т. 13. С. 371]².

После этого стоит ли труда жить? а все живешь – из любопытства, ожидания чего-то нового. Смешно и досадно! [8. Т. 4. С. 291].

Одна из возможных причин замены Лермонтовым названия вальтер-скоттовского романа, читаемого Печориным перед дуэлью, могла заключаться в том, что в «Пуританах» (1819), в сравнении с «Приключениями Найджела», исповеди героя, выполненные в медитативно-рефлексивной форме рассуждений, оказались более развернутыми. Раздумья Генри Мортонa, переданные в монологах героя или включенные несобственно-прямой речью в текст повествователя, прерывали эпический тон описания и акцентировали наиболее драматические повороты в судьбе героя, когда он оказывался в ситуации нравственного выбора.

Можно отметить пристрастие В. Скотта и Лермонтова к символике морской стихии: Гленварлох сравнивает себя с «кораблем без руля и ветрил, отданным на волю волн и ветра» [1. Т. 13. С. 370]; Печорин уподобляет себя «матросу, рожденному и выросшему на палубе разбойничьего брига»; «его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и

¹ I have been, through my whole life, one who leant upon others for that assistance, which is it more truly noble to derive from my own exertions. I am ashamed of feeling the paltry inconvenience which long habit had let me to annex to the want of a servant's assistance – I am ashamed of that; but far, far more am I ashamed to have suffered the same habit of throwing my own burden on others; to render me, since I came to this city, a mere victim of those events, which I have never even attempted to influence – a thing never acting, but perpetually acted upon – protected by one friend, deceived by another; but in the advantage which I received from the one, and evil I have sustained from the other, as passive and helpless as a boat that drifts without oar or rudder at the mercy winds and waves [13. С. 296].

² Live or die, sink or swim, Nigel Olifaunt, from this moment, shall owe his safety, success, and honour, to his own exertions, or shall fall with the credit of having at least exerted his own free agency. I will write it down in my tablets, in her very words, – “The wise man in his own best assistant” [13. С. 296].

томится <...>» [8. С. 305]. Различие в содержании символа моря – свободной и необузданной стихии – обусловлено градусом напряженности драматизма героев. В. Скотт и Лермонтов воплощают в своих героях разные этапы европейской истории развития самосознания личности. Герой В. Скотта еще в самом начале процесса самоопределения, стихийность удручает его и требует действия для восстановления порядка; для лермонтовского же Печорина стихийность – это свобода, бездомность, потребность потрясений, норма трагического существования. Однако общим для В. Скотта и Лермонтова (как и всех романтиков) является то, что с мотивом моря связано представление о высших, духовных переживаниях героев.

В связи с вопросами о принципах художественного изображения героев важным представляется диалог Автора и капитана Клаттербака¹, предложенный читателю во «Вступительном послании» (1822), о жанре романа «Приключения Найджела». По существу диалог представляет собой изложение эстетической программы В. Скотта-романиста. Автор отклоняет предположение Капитана о том, что «Приключения Найджела» могли бы быть написаны в жанре эпопеи. Напротив, Автор указывает, что он ориентируется на опыт Смоллета, Лесажа и других писателей, которые, «освобождаясь от установленных им [Филдингом. – Э.Ж.] строгих правил, писали скорее истории разнообразных приключений, выпадающих на долю человека в течение его жизни, нежели связанную единой фабулой эпопею, у которой каждый шаг постепенно приближает вас к развязке. Эти великие мастера были довольны, если им удавалось позабавить читателя в пути» [1. Т. 13. С. 23]. Оставаясь в рамках традиционного романа с единой фабулой, В. Скотт разрабатывает новые принципы организации, когда интерес повествования держится не на степенном развитии фабулы, а на «разжигании любопытства» неожиданными поворотами «приключений», или «похождений», героя. Роман В. Скотта «The fortunes of Nigel» в первом русском переводе (1829 г.) имел заглавие «Приключения Нигеля» (Сочинение Сира Вальтера Скотта. Перевод с англинского. В четырех частях. М., 1829). В лермонтовском наименовании романа как «Похождения Нигеля» сказалась русификация слова «fortunes» (приключения) и установка на восприятие событий, интересных не столько авантурным содержанием, сколько психологическим ракурсом происходящего. Исследователи неоднократно указывали на циклизацию новелл в «Герое нашего времени» как способ «ступенчатого» раскрытия (погружения) духовного мира героя. Форма лермонтовского романа, составленного из приключений Печорина, была «предсказана» рассуждениями В. Скотта о романе, отличном от эпопеи.

Таким образом, упоминание романа «Приключения Найджела» в черновом автографе «Героя нашего времени» не было случайным. Романы В. Скотта, не нарушая лермонтовской ориентации на рефлексивно-психологическую европейскую прозу, оберегали его от романтического субъективизма на пути формирования «классического слога повествования: непосредственно от себя, но сдержанно и ответственно» [15. С. 246]. Проза

¹ Капитан Клаттербак – посредник между Автором и читателями.

В. Скотта оказалась важным звеном в процессе создания русского лирико-философского реалистического романа в прозе.

Литература

1. Скотт В. Приключения Найджела / пер. Б. Бруснынина, Н. Рахмановой // Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. М., 1998.
2. Якубович Д.П. Лермонтов и Вальтер Скотт // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1935. № 3. С. 243-272.
3. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961. 371 с.
4. Альтишюллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России СПб., 1996. 340 с.
5. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX в.) // ЛН. Т. 91. М., 1982. 865 с.
6. Манн Ю.В. Вальтер Скотт в русском эстетическом сознании // Проблемы автора в художественной литературе: сб. науч. тр. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та. 1993. С. 196–206.
7. Томашевский Б. Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция // ЛН. Т. 43–44. М., 1941. С. 469–517.
8. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Л., 1981.
9. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 5 т. М.; Л., 1937. Т. 5. С. 476.
10. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 363.
11. Бродский Н.Н. Святослав Раевский, друг Лермонтова // ЛН. Т. 45–46. М., 1948. С. 301–322.
12. Чистова И.С. Прозаический отрывок М.Ю. Лермонтова «Штосс» и «натуральная» повесть 1840-х годов // Русская литература. 1978. № 1. С. 116–122.
13. Scott Walter The fortunes of Nigel. // Collection of ancient and modern British Novels and Romances. Paris, 1832. Vol. 23.
14. Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. Pro et contra. СПб., 2002. С. 607–619.
15. Журавлева А.И. Лермонтов в русской литературе: Проблемы поэтики. М., 2002. 280 с.

THE FORTUNES OF NIGEL BY W. SCOTT AND PROSE BY M.YU. LERMONTOV. ARTICLE ONE.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 94–108. DOI 10.17223/19986645/28/9

Zhilyakova Emma M., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: emmaluk@yandex.ru

Keywords: W. Scott, *The Fortunes of Nigel*, M.Yu. Lermontov, *Princess Ligovskaya*, *A Hero of Our Time*, historicism, modernity, objectivity, narration, psychologism.

Lermontov's reception of Scott's novel and its role in the formation and development of the Russian writer's realistic works is investigated on the basis of comparative and typological analysis of W. Scott's *The Fortunes of Nigel* (1822) mentioned in the draft of *A Hero of Our Time* and two novels (*Princess Ligovskaya* and *A Hero of Our Time*).

Lermontov's interest in W. Scott's novel was conditioned by historicism and objectivity of the writer's artistic thinking that resulted in a chain of content and poetics peculiarities of the novel. *The Fortunes of Nigel*, traditionally regarded as a historical novel, implies the author's concept aimed at revealing the sense of contemporary social life as exemplified in the life of the 17th-century England, thus broadening the scope of the genre.

In *Princess Ligovskaya* and *A Hero of Our Time* Lermontov turned to portraying the heroes representing Saint-Petersburg aristocrats and poor bureaucrats. Thus, the contrasts of the London society life (grand people and habitants of beggarly and Alsace robber's area) as well as the type of Scott's narration, notable for accuracy and completeness of its epic word-painting as an expression of the author's standpoint, might be the subject of the Russian writer's particular attention.

Lermontov's proximity to W. Scott was revealed in stating the problem of a hero as a representative of the young generation coming to take the place of the "broke" fathers and searching for ways to use their spiritual power. Lermontov, as well as W. Scott, investigates the dramatic nature of his characters' spiritual quest and finds new artistic forms of psychological analysis of the worn-out soul (inner monologue, portrait, symbols). The cyclic organization of *A Hero of Our Time* seems important. It was

"foreseen" by W. Scott, who was guided by the works by Lesage and Smollett remarkable for the authors' interest in their heroes' "adventures" and "escapades" on their way to spiritual truth rather than by Fielding's epic novel.

References

1. Scott W. *The Fortunes of Nigel*. London, Adam and Charles Black, 1896. 477 p. (Russian edition: Skott V. *Priklyucheniya Naydzhela*. Moscow, 1998.).
2. Yakubovich D.P. [Lermontov and Walter Scott]. *Izv. AN SSSR. Otd. obshch. nauk* [The Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Social Sciences Department], 1935, no. 3, pp. 243-272. (In Russian).
3. Eikhenbaum B.M. *Stat'i o Lermontove* [Articles about Lermontov]. Moscow, Leningrad, 1961. 371 p.
4. Altshuller M.G. *Epokha Val'tera Skotta v Rossii* [Walter Scott era in Russia]. St. Petersburg, 1996. 340 p.
5. Alekseev M.P. *Russko-angliyskie literaturnye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX v.)* [Russian-English literary connections (the 17th – first half of the 19th centuries)]. Moscow, 1982. 865 p.
6. Mann Yu.V. [Walter Scott in Russian aesthetic consciousness]. *Problemy avtora v khudozhestvennoy literature. Sb. nauchn. tr.* [Problems of the author in fiction. Collected papers]. Izhevsk, Izd-vo Udmurtsk. gos. Un-ta Publ. 1993, pp. 196-206. (In Russian).
7. Tomashevskiy B. [Lermontov's prose and Western European literary tradition]. *Literaturnoye naslediyе* [Literary Heritage], Moscow, 1941, no. 43-44, pp. 469-517. (In Russian).
8. Lermontov M.Yu. *Sobraniye sochineniy*. [The collected works]. In 4 vols. Leningrad, 1981.
9. Lermontov M.Yu. *Polnoye sobraniye sochineniy* [The complete works]. In 5 vols. Moscow, Leningrad, 1937. Vol. 5, 476 p.
10. *M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov* [M. Lermontov in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, 1989. 363 p.
11. Brodskiy N.N. [Svyatoslav Raevskiy, a friend of Lermontov]. *Literaturnoye naslediyе* [Literary Heritage], Moscow, 1948, no. 45-46, pp. 301-322. (In Russian).
12. Chistova I.S. [M. Lermontov's prose passage "Stoss" and the "natural" story of the 1840s]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1978, no. 1, pp. 116-122.
13. Scott W. *The Fortunes of Nigel*. In: *Collection of ancient and modern British Novels and Romances*. Paris, Baudry's Foreign Library, 1832. Vol. 23.
14. Vinogradov V.V. [The style of Lermontov's prose]. *M.Yu. Lermontov Pro et contra* [M. Lermontov Pro et contra]. St. Petersburg, 2002, pp. 607-619. (In Russian).
15. Zhuravleva A.I. *Lermontov v russkoy literature. Problemy poetiki* [Lermontov in Russian literature. The problems of poetics]. Moscow, 2002. 280 p.